

Он выдохнул, этого должно хватить.

Маленькие снежинки быстро превратились в густой, хлопьевидный снегопад.

Гу Чанъань и У Дабин пробирались сквозь метель, не останавливаясь ни на минуту, пока не дошли до дома. Издалека они заметили у ворот старика с седыми волосами.

Подойдя ближе, они поняли, что никакой это не старик, а Лу Чэн — его одежда и волосы были полностью покрыты снегом.

Гу Чанъань прищурился и спросил:

— Что ты делаешь у моего дома?

Лу Чэн выдохнул облачко пара; стоило ему открыть рот, как снег на его лице посыпался вниз.

— Снег пошел слишком сильный, в мгновение ока все замело. Я побоялся, что меня заблокирует в горах, поэтому поспешил спуститься.

Звучало вполне разумно.

Гу Чанъань бросил на него взгляд, полный немого вопроса: И что с того?

Лу Чэн устремил на юношу глубокий взгляд. Он улыбнулся — невероятно искренне и даже с легкой долей смущения:

— В этом городке, кроме младшего брата Гу, у меня нет других друзей.

Гу Чанъаня чуть не ослепила эта улыбка.

У Дабин тихо спросил Гу Чанъаня:

— Этот человек старше тебя?

— У него не все дома, не бери в голову, — Гу Чанъань кивнул в сторону мужчины. — Просто зови его по имени.

Лу Чэн изогнул губы:

— Хорошо.

Гу Чанъань нахмурился: зрачки у этого мужчины были не только чернее, чем у обычных людей, но и чуть крупнее. Если смотреть на них пристально, невольно начинала кружиться голова. Он достал из кармана ключи:

— Отойди, я открою дверь.

Снегопад начался внезапно, застав всех жителей городка врасплох. Все были в панике и растерянности.

Едва Гу Чанъань вернулся, как несколько соседей, преодолевая метель, прибежали к нему с таким видом, будто небо рушится и только он может его подпереть.

— Чанъань, твой отец, когда был жив, не оставлял никаких пророчеств? Ну, например, о том, что в десятом месяце пойдет снег?

— Или, может, у него был какой-то заветный конверт с планом действий, который нужно открыть в определенный момент? Там наверняка написано, как нам спастись.

— Какой еще конверт? Ты перечитал романов о боевых искусствах?! Чанъань, а тебе отец во сне не являлся? Если нет, то, наверное, придет сегодня ночью. Мы же все соседи, ты должен подумать о нас!

— ...

Лу Чэн наклонился к юноше, едва касаясь губами его уха, и прошептал с насмешкой:

— Твой отец пользовался огромным авторитетом среди соседей.

Гу Чанъань отстранился, избегая его дыхания.

Он не знал, как старик этого добился, но в городке о нем говорили как о божестве — считали, что он знает всё и может всё.

После того как старик ушел, порог их дома чуть не стерли до дыр.

До сих пор многие верили, что он не отправился в подземное царство на перерождение, а вернулся на небеса, чтобы восстановиться в должности.

Звучало абсурдно, но Гу Чанъань слушал это как сказки.

Жизнь здесь текла медленно, вдали от шума больших городов, и у людей было предостаточно времени, чтобы предаваться фантазиям.

Проводив соседей, Гу Чанъань налил себе горячей воды. Его тело пробирал холод, он вздрогнул — каждая зима была для него испытанием, не легче, чем прогулка по краю могилы, а в этом году она пришла еще раньше.

Досадно.

Лу Чэн снял верхнюю одежду и принялся отряхивать ее у порога. На нем осталась лишь тонкая рубашка, и при каждом порыве ветра сквозь ткань проступали очертания крепких мышц.

Зрение у Гу Чанъаня было слабым, и без очков мир превращался в размытое пятно. Он инстинктивно прищурился, глядя на мужчину:

— Тебе не холодно?

Лу Чэн тут же демонстративно задрожал. Гу Чанъань молча наблюдал за его игрой.

У Дабин ушел на кухню греть воду — видимо, раз в доме появился гость, нужно было вскипятить еще чайник.

Выпив чашку воды, Гу Чанъань почувствовал, как к его бледному, почти синюшному лицу возвращается жизнь. Он поджал ноги, сидя на стуле, оперся локтями о колени и, подавшись вперед, бесцеремонно разглядывал мужчину:

— Лу Чэн, чем ты занимаешься?

Лу Чэн повесил мокрую куртку на спинку стула:

— Безработный.

Гу Чанъань фыркнул:

— Ха.

— Не веришь? — улыбнулся Лу Чэн. — У меня в семье денег столько, что не потратить и за несколько жизней.

На этот раз Гу Чанъань даже не стал насмехаться:

— Раз не потратить — выбрасывай. Не умеешь — отдай мне, я помогу.

Лицо Лу Чэна едва заметно дернулось.

Внезапно в доме погас свет — из-за снегопада отключили электричество.

Гу Чанъань остался сидеть неподвижно. Зрение исчезло, и остальные чувства обострились.

Слева от него раздался голос:

— Чанъань?

Гу Чанъань не ответил.

Кто-то приближался. В темноте протянулась рука, но Гу Чанъань резко схватил ее и с легкостью прижал мужчину к столу.

В глазах Гу Чанъаня мелькнуло удивление: такой слабый?

В темноте раздался голос Лу Чэна с тяжелым носовым оттенком:

— Это я.

— Прости, сработал рефлекс, — Гу Чанъань разжал хватку.

Лу Чэн ответил, что все в порядке, демонстрируя невероятную любезность.

— Чанъань, ты не видишь, но при этом так быстр, это просто поразительно.

Гу Чанъань по звуку определил, где находится мужчина. Какое у него сейчас выражение лица? Презрение, насмешка, холод? Или же вовсе ничего?

Гу Чанъань внезапно усмехнулся. Занятно.

Если рассматривать этого человека как книгу, то обложка обещает легкий повседневный сюжет, но стоит открыть страницу — и перед тобой история взросления наследника богатого рода, а перевернешь еще одну — и начинается мистический триллер.

Интересно, к какому жанру он относится на самом деле?

Вскоре в доме зажгли свечи.

Лу Чэн остался на ночь, его устроили в комнате У Дабина.

— Дабин, я никогда не спал в одной кровати с другими людьми. Если вдруг ночью я что-то такое...

Не дав ему договорить, У Дабин отрезал:

— Я не буду спать с тобой в одной комнате, я пойду к Чанъаню.

Лу Чэн перевел взгляд с Гу Чанъаня на У Дабина и удивился:

— Вы спите вместе?

У Дабин начал объяснять:

— Чанъань он...

Гу Чанъань приподнял веки:

— Да, спим вместе.

Лу Чэн рассмеялся:

— Тогда желаю вам приятных снов. Спокойной ночи.

Как только дверь закрылась, улыбка исчезла с лица Лу Чэна. Он лег на кровать, заложил руки за голову и замер с каменным лицом.

На следующее утро снег прекратился. Выглянуло солнце, снег быстро растаял, и все произошедшее начало казаться сном.

Гу Чанъань просмотрел новости.

Полиция сработала быстро, вычислив подозреваемого — бармена по фамилии Хэ. Во многом это произошло благодаря тому, что Чжан Вэй решил сотрудничать со следствием, испугавшись смерти Ван Тинтин и поддельных записок, которые подбросил Гу Чанъань.

Деньги — великий соблазн, но перед лицом смерти они теряют всякую силу.

Гу Чанъань лишь после смерти Ван Тинтин заподозрил бармена. Стоило ему сосредоточиться на нем, как все детали сложились в картину.

В баре каждый день полно людей, а бармен, занятый обслуживанием, вечно раздраженный и подавленный, вряд ли стал бы тратить силы на то, чтобы запоминать ссоры клиентов.

Он даже помнил, когда Хэ Цзянь в последний раз был в баре и что ушел после приема наркотиков.

Гу Чанъань догадался: бармен решил, что он полицейский, и испугался, что дело Хэ Цзяня вскрыется, поэтому начал сливать информацию, пытаясь направить следствие по ложному следу — мол, у Ван Тинтин и Хэ Цзяня был конфликт из-за кролика, и она могла его убить.

Даже его манерность была игрой.

Гу Чанъань понял лишь, что бармен из-за какой-то травмы возненавидел распутных людей. Подробностей он не знал, но из новостей выяснил, что тот готовил месть давно. Он преследовал Хэ Цзяня и убил его за то, что тот когда-то погубил его младшую сестру и остался равнодушен к разрушенной жизни.

Мерзавец есть мерзавец, лучше бы он сдох, он все равно был бы лишь обузой для общества — вот и весь мотив убийцы.

Гу Чанъань вернулся к реальности. Он бросил телефон на кровать и, закутавшись в ватник, вышел из комнаты.

Лу Чэн расчищал двор от снега. Он был в той же тонкой рубашке, рукава закатаны до локтей, обнажая здоровую, загорелую кожу.

В отличие от коренастого и мощного У Дабина, телосложение Лу Чэна было подтянутым и гармоничным, почти атлетичным.

Гу Чанъань спрятал руки в рукава — от одного вида на Лу Чэна ему становилось холодно.

В обед У Дабин приготовил свинину с горчицей, добавив сушеные побеги бамбука.

Лу Чэн взглянул на блюдо и слегка нахмурился. Попробовав кусочек, он заметил:

— Бамбук недостаточно вымочен, вкус совсем не тот. Нужно минимум еще четыре часа.

У Дабин оправдывался:

— Я забыл замочить с вечера, только утром вспомнил.

От супницы исходил аромат. Лу Чэн принялся:

— Перца слишком много, он перебивает вкус бульона. Нужно уменьшить на треть. И в тефтели не обязательно добавлять столько муки...

Чем дальше слушал У Дабин, тем больше восхищался Лу Чэном, чуть ли не просясь в ученики.

Гу Чанъань не хотел в ученики, он хотел есть. Когда Лу Чэн закончил свою лекцию, он прищурился из-за стекол очков:

— Ты так хорошо разбираешься?

Лу Чэн скромно ответил:

— В какой-то степени.

У Гу Чанъаня возник план. Он положил Лу Чэну тефтелю:

— Ешь побольше.

Лу Чэн изобразил крайнюю степень почтения:

— Благодарю за гостеприимство.

Гу Чанъань усмехнулся:

— Ты гость, это вполне естественно.

У Дабин считал, что этот Лу Чэн — человек подозрительный, оставлять его в старом доме нельзя. Вдруг он обнаружит механизм тайной комнаты или узнает секрет Рыбы лжи? Это будет катастрофа.

Но Чанъань умен и хитер. Если он позволил ему остаться, значит, у него есть свои планы.

Чанъань — мастер расставлять сети.

В день, когда У Дабин уехал из городка, Гу Чанъань попросил Лу Чэна показать класс.

Лу Чэн с готовностью согласился.

Гу Чанъань посмотрел на тарелку на столе:

— Это что?

Лу Чэн кашлянул:

— Жареная свинина с зеленым перцем.

Гу Чанъань наклонился, почуяв странный запах. С отвращением он зажал нос двумя пальцами:

— Где тут зеленый перец?

Лу Чэн подцепил палочками что-то черное, как уголь, и сказал, что это перец.

— Это перец? А я думал, уголь, — Гу Чанъань по-отечески вздохнул. — А свинина где?

Лу Чэн снова подцепил черный кусочек и смущенно признался:

— Огонь был слишком сильный, я не уследил, и все подгорело. Жаль, такая хорошая свинина была, я столько времени потратил, чтобы ее нарезать.

Гу Чанъань сохранял улыбку, его голос звучал мягко, по-отечески:

— Ты же говорил, что хорошо разбираешься?

Лу Чэн ответил:

— Я имел в виду, что у меня хороший вкус, а не кулинарные навыки.

Гу Чанъань:

— ...

Что за чертовщина? Не издевается ли он надо мной?

Лу Чэн высыпал содержимое тарелки в мусорное ведро и спокойно добавил:

— Я впервые в жизни готовил. Ошибки неизбежны. Я попробую еще раз.

Гу Чанъань махнул рукой:

— Не надо.

Лу Чэн хотел что-то сказать, но Гу Чанъань приложил указательный палец к губам:

— Тсс. Я хочу побыть один.

<http://bllate.org/book/19143/1880130>